

А. Д. Ахунова

ДИАЛОГ КАК ДИЗАЙН-КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗАЦИИ МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

**Ахунова
Айгуль Дамировна**
магистрант УрГАХА

*Вызов в том, чтобы выйти из колеи обычного мышления,
изобразить модели чуждого сознания,
открыть новые горизонты для фантазии,
введя в поле мысли небывалое.*

А. Генис

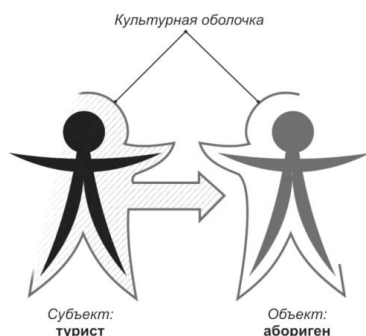
Настоящая статья посвящена проблеме дизайн-концепции музейной экспозиции в культурном и этнографическом сегментах системы туризма Ханты-Мансийского автономного округа-Югры.

Всему есть свое время появиться на свет. Рождение вещи, как и рождение человека, сакрально по своей сути. Предметы – внешняя оболочка любой культуры: попадая в новую обстановку (культуру (другая страна, народ) или, как частный случай, субкультуру (офис, клуб, армия)), мы считываем первичные ее характеристики именно через предметное наполнение. Это так называемая *explicit*-культура, слой «опредмеченных» норм и ценностей.[5, 13] Технологические приемы создания вещей у коренных народов уникальны, экологичность их мышления поразительна для инокультурного взгляда. В традиционной культуре, где главенствует принцип «необходимо и достаточно», каждая вещь имеет единственного хозяина, для которого она подходит на сто процентов. Поэтому каждая вещь здесь – неповторима, в ней можно увидеть отражение личности создателя. Рождение вещи в культуре коренных народов Севера для пришлого, постороннего человека происходит незаметно. Это не шоу, а таинство.

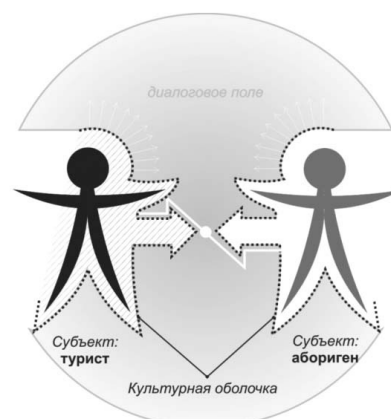
Воочию увидеть, как создаются вещи в культуре северных народов можно, например, побывав в национальном поселке/стойбище в рамках познавательной этнографической экскурсии. Несмотря на стихийность предложения, это направление на рынке туристских услуг сегодня процветает – спрос на этнографический туризм высок и стабилен. К тому же мировая практика показывает, что в современных условиях развитой этнографический туризм – один из залогов выживания аборигенов в естественной среде. Региональная сеть туристских агентств частным порядком

налаживает линейные связи с аборигенными поселениями, однако освоение и реализация указанного туристского ресурса имеет выраженный экстенсивный характер. Стоит понимать, что поданная в чистом виде первобытная культура – это не более чем музей под открытым небом. Современного туриста, например состоятельного горожанина, многое в ней шокирует, многого он не понимает и не поймет, потому что он из другого мира. Экспедиция не «работает» на туриста как музей – живая культура на то и живая, что, не поясняя сама себя (зачем?), просто существует и функционирует сообразно своим законам (в нашем случае, естественно, неписанным законам – мы ведь говорим о реликтовой культуре).

Сегодня в Югре функционируют около полусотни различных музеев. Среди них выделяется Государственный музей природы и человека в Ханты-Мансийске (Ханты-мансийский АО). Основа его экспозиций – богатая история округа и его культурное наследие, в первую очередь – древнейшая автохтонная культура народов Севера. Музей собирает и изучает артефакты этой культуры, отжившие свой век вещи – одежду, утварь, украшения и проч. – а также реконструирует мифологию и национальный эпос. Затем все это подвергается музеефикации, после чего формируются экспозиции. Писатель Александр Генис писал: «Письменность заготавливает культуру впрок: книги – это консервы, рассчитанные на долгое хранение».[2, 176] Так, музей, как и библиотека, консервирует историю. Но что такое экспонат? Это – не-функционирующий, а, следовательно, не-живущий предмет. *De facto* экспонат – труп. Борис Гройс, известный критик искусства, писал: «Музеи – это могильники живого искусства». С позволения сказать, так же обстоят дела и с культурным наследием, выраженным в предметах. Экспонат нельзя взять в руки, «пережить», говоря феноменологическим языком, – на него можно только смотреть. Опять же непонятно, каким этот предмет был в своей «молодости», из чего и как он пришел в этот мир. Конечно, собственное воображение посетителя и толковые разъяснения музейных работников несколько помогают в поисках ответов. Но экспозиция не рассчитана на примитивные, а можно

Ситуация 1: наблюдение "Субъект-Объект"

Ситуация 2: Диалог "Субъект-Субъект"

Рис. 1

сказать – естественные навыки телесного контакта с миром. Получается, музей представляет собой полигон для работы сознания; составители экспозиции думают, как эффектно и понятно продемонстрировать экспонат, в то время как посетители стараются «прочсть» экспозицию.

В системе туризма жизненный цикл вещи представлен не полностью: музей демонстрирует «отжившее», делая вещь понятной для глаз, для ума, но не для чувств; познавательные этнографические экспедиции вроде бы дают туристу возможность прикоснуться к таинству, как было сказано, рождения вещи.

Но можно ли показать туристу жизнь вещи? Можно, но только включив его в культурный и личностный диалог с реликтовой аборигенной культурой, отодвинув шторы культурной оболочки.

Для этого необходимо искусственное наращивание диалоговой среды, в которую помещаются оба субъекта: турист и абориген. Ударение здесь на то, что объект становится субъектом, равноправным участником диалога. (Диалог по природе требует равноправия сторон). (Рис.1)

Диалог культур – это проникновение в систему ценностей иной культуры, уважение к ним, преодоление стереотипов, это всегда развитие, взаимодействие. Причем в диалоговом общении смыслообразование тем интенсивнее, чем более различаются субъекты. М.Ю. Лотман писал, что если диалог двух культур представить в виде своеобразного пересечения двух множеств, то обнаружится, что область пересечения (тождества) относительно невелика, а сфера непересекаемого огромна. Область тождества выступает лишь предпосылкой для проникновения в сферу нетождественного, неизвестного для проникающей культуры, а потому нетривиального и интересного. «Живая» культура аборигенов Севера, диалог и взаимодействие туриста и коренного жителя в некоей «синтетической диалоговой среде» – вот недостающее звено в туристской системе округа. Внутринаходимость туриста и живое экспонирование – в сравнении с музейной практикой. Как на идейном (концептуальном) уровне, так и на проектном этапе эта проблема находится в сфере профессиональных интересов дизайнера. Диалог в данном случае ведется через предметное окружение. Отношение человека к вещи воспроизводит отношение к себе/Другому. «Покажи мне свои вещи, и я скажу, кто ты». [1, 89] Если вещь в таком диалоге – наименьшая единица (слово), то создание такого диалогового пространства – в первую очередь задача дизайнера. Срабатывая как своего рода «переводчик», дизайн может «говорить» одновременно на нескольких эстетических языках.

Для установления контакта «турист-абориген», для

формирования системы «субъект-субъект» в туризме необходимо участие третьей стороны – дизайнера, у которого свой арсенал технологий. Коренному жителю легко внутри «диалогового поля» объяснить туристу процесс изготовления (рождения) например нарты, а туристу легче понять красоту и сложность самого акта создания вещи через контекстные включения дизайна, говорящего его (туриста) языком. Дизайн обращает таинство в увлекательное и познавательное зрелище.

Ключевой момент: жизнь вещи как таковой. Зная, откуда вещь пришла, как она родилась, турист должен иметь возможность прикоснуться к ней, исследовать, «пережить» ее. Проехать на нарте, пройти по тундре в кисах или на лыжах, которые только что, при нем, были созданы. Увидев и узнав – прочувствовать! Вот тут-то и задействуются подсознательные человеческие навыки телесного контакта с миром. Пользуясь вещью так, как делает это хант, турист «встает на его место», «вживается» в его мировосприятие. Кроме того, взаимодействие представителей культур обогащается непосредственным со-участием субъектов в ритуальных действиях, непрерывно сопровождающих жизнь аборигенов. Здесь может произойти некоторое усиление, как бы «энергетический узел» в диалоговом поле – сакрализация экскурсионного процесса. Как качественное приложение к предметной среде выступает миф, легенда, сказка – и это выводит диалог на новый эмоциональный уровень. Туристский акт, вовлекающий путешественника в другой, «потусторонний» мир. Все образы воздействуют на человека, минуя сознание, и создают эмоциональный фон высокого напряжения. [6, 10] Такой тактический ход сплавляет воедино аттракцион и ритуал, позволяя потребителю самому решать, насколько погружаться в сакральные глубины. Джон Хенч, главный имаджинер (инженер воображения) Walt Disney Corp., говорил: «Как дизайнеры мы, имаджинеры, создаем Места – регулируемые переживания, осуществляемые в тщательно структурированных средах, давая нашим гостям возможность видеть, слышать, даже обонять, касаться и испытывать ощущение вкуса неким иным образом. ...Мы усиливаем воображение гостей, выводя их за рамки повседневной рутины». [3, 264]. «В создании такого тотального произведения участвует как культура, так и природа, как прошлое, так и настоящее, как чужой умысел, так и свой душевный настрой. И исполняется такая «симфония» прямо в душе путешественника». [2, 300-301]

Следующим этапом, по правилам диалога, турист «выходит из игры» – возвращается к себе в культуру, но уже диалогически измененным – и это есть логическое завершение акта диалога.

Итак, эффективная демонстрация туристу жизни вещи в культуре требует соблюдения условий-этапов диалога:

1. Открытость обеих сторон	}	<i>Базовые условия туристской деятельности</i>
2. Мотив		
3. Равноправие сторон		
4. Наличие Другого ¹	}	<i>Условия, необходимые для межкультурного диалога в системе туризма</i>
5. Поиск общего, «вживание»		
6. Возвращение к себе		
7. Осознание, оценка и переоценка	}	<i>«Потребительский эффект»</i>

Рис.2. условия-этапы диалога.

Диалоговая функция дизайна в рамках музейной подсистемы системы туризма заключается в создании «поля», провоцирующего взаимодействие туриста и аборигена. Задача дизайнера – приоткрыть «скафандр» культурной оболочки субъектов, создать условия для возникновения диалога, побудив субъекты пройти необходимые для этого этапы.

Сегодня функция туризма в условиях ценностного дефицита сводится к поставлению туристам все новых и новых ценностей для включения их в индивидуальные миры ценностей. [4, 188] Задача дизайнера – эстетически и этически максимально обогатить процесс поставки/потребления туристской ценности, принимая тем самым непосредственное участие в формировании и изменении фактических этосов туристов.

Библиография

1. Быстрова Т.Ю. Вещь. Форма. Стиль. Введение в философию дизайна. – Екатеринбург: Изд. Уральского университета, 2001 – 288с.
2. А. Генис. Сочинения в 3 т. Т. 1 Культурология. Екатеринбург: У-Фактория, 2003. – 539с.
3. Глазачев В. Л. Дизайн как он есть. – М.: Издательство «Европа», 2006. – 320 с.
4. Углов В.А. Туризм и мир ценностей человека//В сборнике «Туризм и региональное развитие». Выпуск 4. – Смоленск: Универсум, 2006. – 640 с.
5. Усенюк С.Г. Дизайн-модель транспортной системы северного туризма: магист. дис. – Екатеринбург - 2006.
6. Юсфин И.А. Атракцион – реликтовая форма развлечения// Техническая эстетика. – № 3. – 1987- с.6-12.

А. В. Бакина

РОЛЬ ДИСКУРСА И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ

**Бакина
Алла Владимировна**

соискатель кафедры истории и
теории политической науки
УрГУ

Права человека, имеющие источником общечеловеческие морально-этические нормы и ценности, прошедшие путь своего стремительного генезиса, в конце XX – начале XXI веков изменили свое качественное содержание и функциональное назначение. Они стали инструментом осуществления геополитической экспансии развитыми государствами в отношении развивающихся стран, а также средством узурпации и искажения прав и свобод человека в самих государствах-экспансионистах. При этом дискурс как речь, способ говорения, движение информации в рамках коммуникативной ситуации, как некоторая структура диалогового взаимодействия (Дискурс. - (<http://www.krugosvet.ru/articles/82/1008254/1008254a1.htm>) технически обеспечил трансформацию содержания и функционального применения прав и свобод, легитимизацию и легализацию данных тенденций на внутригосударственном и международном уровнях. Вместе с тем выгоды, получаемые от осуществления геополитической экспансии, носят спорный характер.

На рубеже веков грубая сила уступила место «мягкой», хотя демонстрация «мускулов» и осуществление «назидательных» военных операций стали постоянным атрибутом современного мира. Одновременно власть и господство изменили свое содержание и структуру: стали почти невидимы, неосязаемы, неуловимы для человеческих органов получения информации, но более нацелены на бессознательное, архитипичное и животное начало человека. Процессы обретения необходимых ресурсов, их сохранения и приумножения, маркировки времени и пространства, живой и неживой природы – стали протекать по иным законам, где основную роль играют «мягкая сила» и научно-технические достижения. Так, «мягкая» сила есть

«способность (ability) заполучить то, что вы желаете, не путем принуждения (coercion) или вознаграждения (payment), а путем привлечения [на свою сторону] (attraction) <...> вырастает из притягательности культуры, политических идеалов и политического курса страны...» (Nye J.Jr. The Paradox of American Power: Why The World's Superpower Can't Go It Alone. - N.Y.P.8.). Научно-технические достижения позволяют «мягкой» силе реализовывать поставленные цели и задачи в любой точке земного шара, максимально «сжимая» время и пространство. Однако «мягкая» сила не была бы так эффективна, если бы не использовала универсальные инструменты, которыми стали права человека и дискурс. Права и свободы человека, провозглашенные общечеловеческой ценностью, носящие универсальный и всеобъемлющий характер, превратились в инструмент, открывающий доступ ко всем сферам жизнедеятельности индивида, почти всех обществ и государств. Западноевропейская база прав человека, синтезирующая либерально-демократические ценности, принципы и нормы, привлекает представителей многих культурно-цивилизационных сообществ. Это способствовало использованию прав человека в качестве ширмы для осуществления рядом развитых государств, относящих себя к истинным демократиям, геополитической экспансии в конце XX-начале XXI веков в отношении развивающихся стран. Дискурс, использующий «новояз», например, Storytelling, и апеллирующий к правам человека, становится все более предпочтительным средством в решении задач внешней и внутренней политики. Вопросы глобального изменения климата, энергоресурсной обеспеченности и безопасности, международного терроризма, ядерной безопасности, межэтнических конфликтов, бедности и другие – это неполный список, позволяющий государствам-экспансионистам, ссылаясь на права человека граждан своих и чужих государств, получать доступ ко всем локусам стран-реципиентов, перекраивать их по своему вкусу, использовать чужие ресурсы в своих интересах. Так, используя дискурс, государство-экспансионист обоснует свои действия самыми благородными мотивами: морально-этическими нормами и ценностями, необходимостью реализации прав и свобод человека, выгодным сотрудничеством, потребностью в совместном решении острых глобальных проблем и т.д.